

4. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982.
5. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1975.
6. Кручинкина Н.Д. Семантико-грамматический анализ простого предложения в номинативном аспекте. Уч. пособие. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1991.
7. Кручинкина Н.Д. Конверсная трансформация и лексические конверсивы // Тез. докл. науч. конф. «Вопросы описания лексико-семантической системы языка»: В 2 ч. – М., 1971. Ч.1. С. 221-224.
8. Кручинкина Н.Д. Интерпретация понятия инварианта в современной лингвистике // Гуманитарные исследования: традиции и инновации: сб. науч. трудов. Вып.2. – Саранск, 2006. С. 49-55.
9. Кручинкина Н.Д. К вопросу о конверсном преобразовании предложений // Проблемы синтаксиса. – М., 1973. С. 96-119.
10. Новиков Л.А. Антонимы в русском языке (Семантический анализ противоположностей в лексике). – М.: Изд-во Москов. ун-та, 1973.
11. Перцов Н.В. Инварианты в русском словоизменении. – М.: Языки русской культуры, 2001.
12. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. – М.: Наука, 1974.
13. Gaatone D. Le passif en français. – Paris, Bruxelles: Duculot, 1998.
14. Tesnière L. Eléments de syntaxe structurale. – P.: Klincksieck, 1959.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ С СИНКРЕТИЧЕСКОЙ СЕМАТИКОЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

О.А. Крылова

Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 Москва, Россия

Л.Н. Анипкина

Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 10-а, 117198 Москва, Россия

В статье доказывается наличие особого логико-семантического типа предложений – номинативных восклицательных предложений, совмещающих в себе бытийную и идентифицирующую семантику, из чего

делается вывод о невозможности приписывать синтаксическую семантику структурным схемам, по которым строятся грамматические основы предложений.

Ключевые слова: логико-семантический тип, бытийная и идентифицирующая семантика, номинативные предложения, синкретическая семантика.

SENTENCES WITH SYNCRETIC SEMANTICS IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE

O.A. Krylova

*Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198*

L.N. Anipkina

*Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198*

In the article we prove the presence of a special logical semantic type of some sentences. There in the language may be used the nominative exclamatory sentences which combine existential and identificational semantics. It is impossible to make a conclusion concerning the attribution of syntactic semantics of the structural schemes with the help of which the grammatical structures of sentences are built.

Key words: the logical semantic type, existential and identificational semantics, nominative sentences, syntactic semantic.

В работах Н.Д. Арутюновой и Е.Н. Ширяева, посвященных описанию синтаксической семантики русских предложений, выделяются, как известно, четыре логико-синтаксических типа: 1) экзистенциальные, или бытийные предложения; 2) предложения идентификации; 3) именованья и 4) предложения характеризующей семантики [1; 2; 3]. Каждый из этих типов представлен целым рядом разновидностей, которые связаны и с характером референции входящих в их состав имен, и с коммуникативной установкой говорящего, отражающейся в различном актуальном членении тех или иных предложений-высказываний, и с различными ситуация-

ми, в которых они употребляются, и т. д. Так, например, предложения идентифицирующей семантики употребляются: а) в «ситуации детективного поиска»; например: *Старуху убил Родион Раскольников* [1, с. 291-292]; б) в «ситуации узнавания»: *Ах, витязь, то была Наина!* (Пушкин) [1, с. 296-298]; в) в «ситуации идентификации личности»: *Из числа многих в своем роде сметливых предположений было, наконец, одно, странно даже и сказать: что не есть ли Чичиков переодетый Наполеон* (Гоголь) [1, с. 300].

Наблюдения над односоставными номинативными предложениями (их еще именуют назывными) типа *Гроза!*; *Пожар!* позволяют обнаружить явление синкретизма на семантико-синтаксическом уровне и выделить, кроме четырех названных, еще один, *особый* логико-синтаксический тип предложений, поскольку семантика бытия *совмещается* в них с семантикой идентификации. Подчеркнем, что речь идет не о семантико-синтаксических разновидностях *внутри одного* логико-синтаксического типа, а именно о *совмещении* двух различных смыслов в названных предложениях и их одновременной отнесенности к двум логико-синтаксическим типам.

Рассмотрим в этом отношении номинативные предложения типа «*Гроза!*».

В «Русской грамматике-80» семантика таких предложений определяется как бытийная: «Семантика схемы – 'существование, наличие предмета или предметно представленного действия, состояния'; предмет (в широком смысле слова) здесь предстает как субъект бытия, существования» [9, с. 358]. При этом утверждается, что номинативные предложения – «один из самых употребительных типов предложений. Этому содействуют их лаконичность, лексическое разнообразие их наполнения (...), а также отсутствие стилистических ограничений: разные семантические типы таких предложений в разных условиях употребительны во всех сферах литературного языка» [9, с. 358]. Анализ номинативных предложений позволяет утверждать, что они далеко не однородны, причем различия не сводятся только к наличию среди них семантических разновидностей (в указанном выше смысле).

Если сравнить номинативные предложения типа (1) *Ночь. Улица. Фонарь. Аптека.* (Блок); *Зима. [Что делать нам в деревне?]* (Пушкин), с одной стороны, и: (2) *Пожар!*; *Молния!*; *Волки!* –

с другой, то можно увидеть, что их объединяет только характер грамматической основы (именительный падеж существительного), но ни семантика, ни стилистическая окраска, ни грамматические особенности их не тождественны. Прежде всего обратим внимание на то обстоятельство, что рассматриваемые предложения (типа *Гроза!*) характеризуются стилистической маркированностью: они обладают яркой эмотивно-экспрессивной окраской, оформляются соответствующей интонацией, отражаемой на письме восклицательным знаком, и употребляются или в живой разговорной речи, или в стилизованной разговорной речи в художественных текстах. Например:

(1) [Алешу разбудил протяжный вой ... Вой повторился. Он несся с долины. И тотчас же совсем близко, в ущелье, завыло, завизжало, залаяло ...] «Волки!» (Пермитин) [4].

(2) [Часов в одиннадцать вечера вдруг густо повалил снег, и вслед за тем что-то сверкнуло в небе.] – Молния! – воскликнули стрелки в один голос (Арсеньев). Не случайно А.С. Попов отмечал их «изобразительность, картинность» [10, с. 324], что противоречит приведенному выше утверждению Н.Ю. Шведовой об их стилистической нейтральности. Указанные стилистические различия дополняются и грамматическими: рассматриваемые номинативные предложения лишены синтаксической (модально-временной) парадигмы, они имеют только одну форму: синтаксического настоящего времени синтаксического индикатива. В отличие от них «чисто» бытийные предложения имеют формы не только синтаксического индикатива, но и синтаксических ирреальных наклонений, а в синтаксическом индикативе – и формы различных синтаксических времен; ср.: *Ночь./ Была ночь./ Будет ночь./ Была бы ночь .../ Будь ночь ...* и т. д. Это связано напрямую с синтаксической семантикой анализируемых предложений, которая не может быть определена как однозначно бытийная. Возражая против интерпретации всех номинативных предложений как бытийных, Н.Д. Арутюнова и Е.Н. Ширяев пишут: «Более естественным представляется интерпретировать эти предложения как предложения с таксономическими или идентифицирующими отношениями»; например: «*Мама, смотри! Море!*» – *закричала девочка*; «ср.: 'то, что перед нами, это море'» [2, с. 50].

По нашему мнению, семантика таких предложений является сложной, синкретической: эти предложения *одновременно передают значение наличия, бытия и служат идентификации предмета* (в широком смысле этого слова), *явления, непосредственно воспринимаемого говорящим в момент речи*. Сообщение о наличии, существовании предмета или явления и его идентификация осуществляются в момент речи как эмоциональная реакция говорящего на восприятие того, что имеет место в действительности «здесь и сейчас». В самом деле: когда говорящий, видя клубы дыма, языки пламени, вырывающиеся из окон здания, возможно, толпу взволнованных людей рядом, пожарные машины и т.п., восклицает: «*Пожар!*», то этим предложением-высказыванием он одновременно и выражает, что он «узнал» все воспринимаемое им как пожар, и констатирует наличие пожара.

Именно существование таких двух семантических планов в этих предложениях позволяет говорящему в одних случаях актуализировать один смысл из двух, а в других ситуациях – другой. Сравним два номинативных восклицательных предложения, включенных в различные контексты, что позволяет отразить различные ситуации в этих двух случаях:

(1) [*Вскоре я ясно стал различать качающуюся на волнах разлива живую серую массу птицы.*] – *Гуси!* [*Да ведь это же гуси! – выкрикнул я.*] (Пермитин).

(2) – «*Катюша!*» [*Ура! «Катюша» заиграла! – кричала Галка и прыгала по скрипучему крыльцу*] (Полевой).

В первом из вышеприведенных текстов в предложении *Гуси!* актуализируется идентифицирующая семантика, а во втором – в предложении «*Катюша!*» – бытийная, о чем свидетельствует различный в обоих случаях последующий контекст. Но важно отметить, что без таких различных продолжений в обоих номинативных предложениях семантика синкретическая – идентифицирующая и бытийная одновременно.

С точки зрения актуального членения рассматриваемые предложения являются предложениями с нулевой темой, т.е. это моноремы [7; 6]. Памятуя, что отсутствие знака – тоже знак, т.е. что нуль в парадигме тоже значим, зададимся вопросом: а какова

содержательная характеристика такой нулевой темы? И здесь оказывается, что за отсутствием лексически выраженной темы скрывается различное содержание. В случаях, когда в тексте употреблено номинативное предложение «чисто» бытийной семантики (*Ночь. Улица. Фонарь. Аптека ...*), имеет место, как говорил И.П. Распопов, «непосредственное предицирование» [8, с. 38], т.е. содержание предложения-высказывания (ремы) отнесено к самой действительности. Нулевая тема как исходный пункт, в частности как предмет сообщения, в этом случае и означает наблюдаемую действительность без вычленения каких-либо ее фрагментов и их номинации в качестве исходного пункта высказывания; если бы она была оформлена лексически, то имела бы вид соответствующего детерминанта: * *В действительности есть ночь.* [5, с. 19] Но очевидно, что такие предложения стилистически ущербны, поскольку тема в них избыточна: именно ее отсутствие, ее лексическая непредставленность сигнализирует о таком актуальном членении, при котором предложение имеет констатирующее, общефактическое, коммуникативное значение и бытийную семантику. В случае, когда используется предложение синкретической семантики, появляется возможность интерпретировать нулевую тему как передающую значение не действительности вообще, а как некоторого наблюдаемого ее фрагмента, что лексически можно оформить с помощью местоименного подлежащего *это*: *Это гуси! Это море! Это «Катюша»!* (Правда, справедливости ради надо сказать, что такая подстановка «переводит» эти предложения в «чисто» идентифицирующие.) Показательно, что аналогичная «подстановка» в «чисто» бытийных предложениях невозможна; сравним:

* *Это ночь.* * *Это улица.* * *Это фонарь.* и т.д.

Следовательно, восклицательные номинативные предложения с синкретической семантикой типа *Гроза!*; *Пожар!*; *Море!* Отличаются от бытийных и в плане актуального членения, а именно: имплицитное значение нулевой темы в них различно. Будучи «восстановлена», она принимает в предложениях этих двух типов различную лексико-грамматическую форму.

Проведенный анализ позволяет, как нам кажется, сделать вывод, имеющий существенное методологическое значение для синтаксиса русского языка. Если исследовать простое предложение в различных аспектах, т.е. рассматривать такие стороны его

организации, как 1) структурную (конструктивно-синтаксический аспект), 2) коммуникативную (актуальное членение) и 3) семантико-синтаксическую, – то приходится констатировать возможность асимметричности в отношении этих сторон. Отсюда следует, что синтаксическая семантика может быть, как мы видели, различной у предложений, грамматические основы которых тождественны. Значит, приписывать определенную синтаксическую семантику структурным схемам, как это сделано в «Русской грамматике-80», невозможно: синтаксическая семантика присуща не структурной схеме, а предложению-высказыванию, построенному по этой схеме, имеющему определенное лексическое наполнение, ту или иную стилистическую окраску и определенное актуальное членение, отражающее его коммуникативное назначение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976.
2. Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип: структура и значение. – М.: Русский язык, 1983.
3. Крылова О.А., Максимов Л.Ю., Ширяев Е.Н. Современный русский язык. Теоретический курс. Синтаксис. Пунктуация. – М.: Изд-во РУДН, 1997.
4. Казакова А.С. Структурно-семантические свойства предложений типа «Пожар!» в современном русском языке. – М.: 1984.
5. Крылова О.А. Коммуникативный синтаксис русского языка. – М.: URSS, 2009.
6. Крылова О.А. Понятие нерасчлененного высказывания // Филологические науки, 1983, № 2 – С. 77-80.
7. Леонтьев А.А. Актуальное членение предложения и способы его выражения в русском языке//Теория языка, методы его исследования и преподавания. К 100-летию со дня рождения Л.В. Щербы/Отв. ред. Р.И. Аванесов. – Л., 1981.
8. Распопов И.П. Актуальное членение предложения. – Уфа, 1961.
9. Русская грамматика/Под ред. Н.Ю. Шведовой. – Т. II. – М.: «Наука», 1980.
10. Попов А.С. Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка / Под ред. М.В. Панова – М., 1968.